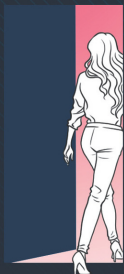

Ирина Оганова

#МЫ НИКОГДА НЕ ЗНАЕМ...

Ирина Оганова

#Мы никогда не знаем...

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39568593
И. Б. Оганова. #Мы никогда не знаем... / [Сборник]; ООО
Издательство «Питер»; Санкт-Петербург; 2019
ISBN 978-5-4461-1129-9

Аннотация

Ирина Оганова – писатель, автор бестселлера #Иллюзия счастья и любви, сборника ярких, трогательных историй, рождённых в Инстаграм. В своей второй книге она глубже исследует душевные переживания героев, ставя их перед суровой необходимостью принимать непростые решения, которые кажутся единственно верными.

#Мы никогда не знаем – несколько коротких и длинных рассказов о крутых поворотах судьбы и силе характера, объединённых хэштегом #жизнь.

Четыре истории о сильных людях, пересекающихся в лабиринтах городов и времени. Их жизнь не похожа на счастливый аттракцион: важные встречи приносят разочарование, крепкие связи обрываются, внезапно уходят близкие. Но они находят в себе мужество расправить плечи и продолжают идти сквозь плотный туман обстоятельств в поисках себя.

Содержание

Мы никогда не знаем...

5

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Ирина Оганова

#Мы никогда не знаем...

Сборник

© ООО Издательство «Питер», 2019

© Ирина Оганова, 2019

* * *

Мы никогда не знаем...

Нас было трое. Я, Анька и Лена... Почему я вдруг начала вспоминать? Почему именно сейчас? Я что, подошла к какому-то рубежу? Решила уйти назад и дать оценку всему, что произошло с нами? Могло ли все случиться иначе и был ли шанс у каждой из нас что-либо изменить, выбрав другой путь? Или всё было предрешиено заранее? Может, мы шли к этому, и всё лишь являлось запутанной закономерностью сложной цепочки событий? Порой жизнь кажется математической формулой, а мы горькими троечниками, не способными найти правильного решения.

Соня внимательно изучала себя в зеркало.

Хоть реанимацию вызывай! И почему с утра морда такая отёкшая? Вроде и не пьёшь, и не жрёшь много.

Вспомнились слова маминой подруги: «Сонечка, это не котлеты, это леты...»

Какие, нахрен, леты! Вот сяду завтра на диету, и мы ещё посмотрим, кто кого!

Она категорически не хотела стареть, считая старость непривлекательной и утомительной.

Соня попыталась немного натянуть лицо к вискам.

Ну вот если чуть-чуть! Совсем другое дело. Хоть скотчем приклеивай!

Дома было непривычно тихо. Она ненавидела тишину.

Хотелось распахнуть окна, услышать жизнь хотя бы со стороны. Жить в центре Питера с открытыми окнами невозможно, утонешь в какой-то липкой пыли, похожей на копоть.

Раньше жили, и ничего! Высунешься по пояс из окна, или того лучше – заляжешь на подоконнике, а кругом гул, сигналы машин, обрывки смеха, фраз, стук каблучков. Напридумывали какие-то системы подачи воздуха, занизили потолки... Жить стало чище и скучнее.

Соня побрела на кухню и включила кофемашину.

И кофе раньше лучше был, и варили и мололи сами. Целый ритуал!

Соня пристроилась у вытяжки и затянулась сигаретой.

Так как же всё начиналось?

Она пыталась вспомнить. В голове всё смешалось и переплелось. Хотелось найти невидимый кончик, потянуть за него и вывалить наружу давно пережитое и запрятанное. Она помнила тот день. Смутно, но помнила. Аньку притащила какая-то знакомая. Кто? Неважно...

Соне муж из очередной поездки за рубеж привёз милые белые полусапожки с блестящими металлическими заклёпками. Он ходил в загранку на большом белом пассажирском судне. Работал барменом, а они в те времена рубили капусту поболее старпомов и капитанов. Мутили, скорее всего, что-нибудь, ну и чаевые получали в твёрдой валюте.

Да! Смешно, конечно, сейчас бы и в руки такие не взяла.

Из искусственной кожи и, скорее всего, копеечные. Но тогда считались крутыми и стоили у спекулянтов приличных денег.

Сонька с грустью протянула сапоги – они были слишком узкими, и она сразу поняла: носить не сможет. Аня вцепилась в них, мгновенно натянула и радостно забегала по квартире.

– Сколько?

Знакомая, недолго думая, назвала сумму. Сонька покраснела и уставилась на неё, смешно выпучив глаза от удивления.

– Ладно, беру! – Анька недобро зыркнула на посредницу. – Сонь, телефон свой черкани, а я тебе свой оставлю. Вдруг ещё что из шмотья появится. Я, если что, и своим показать могу, лишних денег не бывает.

Знакомая-посредница делала лица и была явно недовольна:

– Ань, я, между прочим, не знакомиться тебя привела, а сапоги покупать!

Сонька растерянно поглядывала на девчонок. Анька девчонка не из робких, за себя, видно, постоять умела. Она сразу понравилась Соне. Маленькая, с тоненькими ручками и ножками, и при этом всё при всём. Особенно Соню покорили огромные серо-голубые глаза, россыпь золотых веснушек на бледной мраморной коже и копна Анькиных русых кудрей.

Аня приехала из Одессы по напутствию еврейской мамы поступать в высшее учебное заведение Ленинграда – конечно, в Финэк. В первый год, завалив экзамены, не стала горевать, а выскочила замуж за одногодку из приличной еврейской семьи ленинградских стоматологов. Веня к учёбе был равнодушен и пошёл осваивать ремесло ювелира. В восьмидесятые это было совсем неплохим занятием. Приобрести что-либо стоящее было крайне затруднительно, даже обручальные кольца продавались по талонам ЗАГСа. Так что Аня и её одесские родственники считали, что она совсем неплохо пристроилась.

Соня отчётливо помнила, как захотелось с ней сдружиться. Именно такого человека не хватало ей по жизни. Знакомых было полно, а вот настоящей подруги не хватало. Сонька была ведомой, и ей обязательно хотелось кого-то сильного и надёжного. Аня подходила, она сразу почувствовала это, но та так и не позвонила.

Встретились они года через три, совершенно случайно. У неё уже была маленькая, вечно сопливая Лиза и муж, который медленно спивался и больше не ходил в загранку. Вскрылись какие-то махинации с алкоголем, и его, к счастью, без особого шума уволили. На берегу устроился работать опять же барменом в гостиницу «Ленинград», место хоть и прибыльное, но, видно, не по душе оказалось.

Соня с ужасом наблюдала за тем, как рушится их жизнь. Даже появление Лизы ничего не решило. Она поняла, что

совсем не знала его и, наверно, совсем не любила. Партия-то вроде была неплохая, а виделись совсем редко. Где тут разглядишь! Спокойная жизнь, да ещё и при полном достатке, вполне устраивала Соню. Кто знал, что всё так обернётся? Она совсем не была готова к запоям и пьяным выходкам. Из гостиницы его попёрли, денег не стало, а дочку растить надо. Думала на работу устроиться, а куда мелкую деть? Вечно болеет, в садик не отдашь. К матери не пойдёшь за помощью, у неё самой проблем выше крыши – простая медсестра в районной поликлинике. Отца она не видела ещё с начальной школы, вроде бабу какую-то нашёл. Деньги небольшие переводил, а вот видеться не хотел. Соня особенно не горевала, мать всегда ближе была. И как она ухитрилась её вырастить на такие крохи? Ведь и одевала всегда прилично и, как-никак, дала возможность педагогический закончить. И что, сейчас прийти к ней со всем своим дерьмом и с Лизой на руках?! А ведь предупреждала, что лёгкие деньги счастья не принесут! Видно, права была.

– А почему лёгкие? Совсем и не лёгкие оказались!

Сонька вспомнила Ольгу, свою институтскую знакомую. Девка хорошая, давно, правда, не виделись. Оля была из интеллигентной питерской семьи, весёлая и предприимчивая. У неё всегда водились деньги, что-то вечно мутила и таскала ещё в институте какую-то заморскую мелочёвку на продажу.

– Оль! Привет! Увидеться надо, поболтать. Дело есть. Может, ко мне подрулишь? Лизку оставить не с кем!

Ольга ввалилась с коробками пирожных из «Метрополя» и бутылкой шампанского.

– Ну, что у тебя? Последний день Помпеи?

Сонька виновато заулыбалась, поправляя лохматые волосы. Потом махнула рукой и, едва сдерживая слезы, промямлила:

– Оль, научи меня деньги зарабатывать! Мне позарез нужны. Лето скоро. Ребёнка на море вывезти надо.

Лизка сидела на ковре и старательно перебирала колечки на деревянной пирамидке. Оля присела рядом.

– Какая славная! Тоже хочу дочку. Вот найду мужика приличного и тоже рожу.

– Оль! Нам жить не на что! Научи! Я ведь с ней одна теперь.

– Я думала, ты в шоколаде! Ну что... Открывай закрома. Твой вон сколько в загранку ходил. Поди, добра полный дом!

– Скажешь тоже! Добра!

Ольга рылась в Сонькином шкафу, то и дело выкидывая приглянувшиеся шмотки.

– Сумку неси! – командовала Оля. – Одевайся, сейчас к спекулянтке одной поедем!

– А Лиза?

– Что Лиза? С собой возьмём, раз деть некуда. Дети – это хорошо, только сколько мороки с ними. Нет, пожалуй, пока рожать не буду! – Ольга весело рассмеялась. – А давай я её одену, пока ты собираешься? Какая же она малюсенькая! А

пальчики какие крохотные!

Они вывалились из парадной. Оля заботливо прижимала притихшую Лизку к груди, а Соня терпеливо тащила огромную спортивную сумку, набитую до отказа.

– Жалко? – спросила Ольга с сочувствием.

– Да иди ты! Скажешь тоже!

– Это точно! – рассмеялась Оля и подмигнула испуганной Соньке.

– Все это барахло можно в один день купить, были бы бабки!

На улице всю ночь валил снег, и дворничиха Наталья Сергеевна с утра орудовала лопатой.

– Куда ребёнка потащили? – возмущённо крикнула Сергеевна, поправляя серый оренбургский платок. – Сколько раз говорила: если надо куда, оставь Лизу, и притесь куда хотите!

– Какая строгая! – Ольга рылась в карманах. – Подожди, ключи найду. Вон тигрюша моя стоит.

Соня с уважением посмотрела на «Ладу» третьей модели.

– Твоя что ли? Сама купила? А «тигрюша» почему?

Ольга засмеялась.

– Так это самый некозырный цвет – рыжий. Других не было! Хорошо, что хоть эту достала по великому благу, ещё и переплатить пришлось. Ласково назвала, чтобы привыкать легче было! Ну и попривыкла как-то. Вот подкоплю немного и «дипломат» куплю. Ну сине-фиолетовую! Понтовая машина.

– И я куплю! – с твёрдой убеждённостью сказала Соня. – Только водить не умею. А права есть!

– Ну так дело за малым! – Ольга прыснула от смеха.

Всю дорогу Соня мучала расспросами.

– А эта спекулянтка, она какая? Старая? Злая?

– Почему старая? Как мы, наверно. И не злая вовсе! Отличная баба. У неё отец какой-то партийный работник, а она во все тяжкие. И спекулем занимается, и по иностранцам ходит!

– За деньги? – Сонька вытаращила глаза.

– Не знаю, как за деньги, но за подарки точно. Просит, что в голову взбрёт! Даже шубы и кольца с брюликами!

– И что? Дарят?

– А куда они денутся? Она говорит – утром деньги, вечером стулья!

– Ничего себе! – Сонька заёрзала. – Неудобно же!

– Ей всё удобно! Кайфовая она, настоящая. Замуж за фирмача выйти хочет. Подлянку своему папаше подкинет! Он ещё тот хлыщ, ни одной юбки не пропустит. Даже ко мне клеился, козлина. А мать у Ленки что надо! Понимает и не лезет с нравоучениями. Типа твоя жизнь, ты и крои её, как хочешь. Не то что мои! Все учат! Что, если я не хочу на зарплату учительши жить? Я у них позор семьи... Ладно, приехали!

Ольга с пятой попытки коряво припарковала тигрюшу, перебрав весь запас отборного мата. Лена жила в красивом

старинном доме недалеко от Театральной площади, с прекрасным видом на Крюков канал.

– Вы к кому? – строго спросила пожилая женщина, похожая на тех, что сидят на стульчиках в Эрмитаже и злобно поглядывают на посетителей в надежде к чему-либо придраться.

– Да мы к Лене из восьмой! Вы же меня сто раз уже видели!

– Видела, не видела... – консьержка явно была не в духе.

– Ну так мы пойдём?

– Идите! Можно подумать, тут кроме Ленки никто и не живёт! Ползают с кутулями туда-обратно!

Ольге захотелось послать её куда подальше, да нельзя! Ещё стуканёт, куда следует. Хотя, скорей всего, уже нашептала участковому, как пить дать, коммунистка хренова! Сама не по закону сидит в парадной, а на других бочку катит!

– Лен, ну и бультерьер у тебя внизу сидит!

– Да ладно, прикормленная она. Что стоите, проходите!

Сонька затащила свою непосильную ношу.

– А это кто у нас тут? – Лена нежно схватила Лизку за пухлые щеки. Малышка смешно заулыбалась и потянула ручонку к совсем незнакомой тётке.

– Спокойная она у меня, никаких забот.

Соне полегчало. Ленка была простая, без выпендрёжа и совсем не похожа на русскую. Чистый интурист. Короткая мальчишеская стрижка, озорные серые глаза и грудь како-

го-то невероятного размера. На ней ладно сидели голубые потёртые джинсы, а в ушах поблёскивали бриллиантовые сережки. «Трофейные! – подумала Сонька. – Тоже такие куплю!»

Ленкина квартира была особенной. Соня молча бродила по гостиной и разглядывала причудливые статуэтки и старинные вазочки. Все было из какой-то другой, загадочной жизни. Ей нравились антикварные штучки, и она часто забегала в магазин на Наличную и подолгу бродила, разглядывая витрины массивных шкафов из красного дерева. Соне всё время хотелось купить хоть одну вещь, пусть и не очень дорогую, но стоящую. Одна знакомая предупредила – надо к открытию, но всё равно перекупщики уже на стрёме, и всё у них схвачено. Только им и достаётся все самое правильное и по хорошей цене. Посоветовала закрутить с кем-нибудь из продавцов, может, и подарочек какой подсунуть. Соня этого делать не умела. А у Лены дом был как антикварная лавка, и по стенам картины висели, видно, тоже не задаром купленные.

– Это всё отец старается. Говорит, деньги надо в старину вкладывать. Всегда продать можно, и в цене растёт. Да и от бабушки много осталось. Она вроде какие-то дворянские корни имела, но сильно не распространялась. Вот бы вывести всё это добро за рубеж! У нас и Фаберже кое-что есть, и Айвазовский в спальне висит. Хочешь, покажу?

– Конечно, хочу! Не «Девятый вал», надеюсь?

– Вот ты скажешь! Та в Русском музее. Хотя я бы не отказалась!.. Ну, показывайте, что принесли?

Соня растерянно зашмыгала носом и покраснела:

– Все новое! Ну если только раз одетое. Если можно продать, очень выручишь!

– С ценой надо определиться, – Лена перебирала аккуратно сложенные фирменные шмотки.

– Да ты уж сама определись, – Ольга тихонько толкнула подругу в бок. – Лен, ты по совести давай. А двадцать процентов себе! Одна она, и Лизу поднимать надо.

– Ладно, оставляйте. Гости у меня на кухне. Хотите – присоединяйтесь.

Соню уговаривать не пришлось.

– Хочу! – и как преданный пёс умоляюще посмотрела на Ольгу.

– Ладно, посидим немного. Тебя ещё на Ваську забросить, а мне в Гостинку надо. Там сапоги итальянские выбросили! Девчонки до вечера оставили. Упущу – убью тебя без суда и следствия! А Лизку воспитаю, не бойсь!

– Вот ты дура, Оль!

На кухне шли жаркие споры о мистическом загнивании капиталистического строя и сказочных преимуществах планового хозяйства. Компания была небольшая, но бойкая. Особенно выступала кудрявая.

– Я бы хоть завтра свалила по еврейской линии в Америку! Ничего хорошего здесь не будет! Живём как в клетке, и

перспектив никаких. Так и будем хернёй всякой заниматься, пока от старости зубы не вывалятся. Или за валюту упакуют лет на восемь как минимум.

– Ну что ты несёшь! – возмутился рыжий парнишка в круглых очочках, как у Леннона. – Что-то не сильно хочется на землю обетованную! А за океан ещё добраться надо! И в резервации, как обезьянке, посидеть придётся в Риме или в Вене. Тут уже всё как-то налажено, и каждая скамейка родная. Ждут тебя там с распростёртыми объятиями! Нужны мы им больно!

– Вень, нужны! Мы смелые, предприимчивые. Им тоже свежая кровь нужна.

Соня сразу узнала Аню по низкому, немного сиплому голосу. Вроде милаха такая, а голосок, как у хорошего мужика.

– Сонька, привет! Куда пропала? – Аня вскочила из-за стола. – Ну надо же! Как мир тесен! А это – Веня, мой муж. Да садись ты!

Ленка прикурила фирменную «Мальборо».

– Девочки, вы уж сами себе чай разливайте. Если пожрать хотите – в холодильнике всего полно. Родичи на дачу укатили. Мать всего наготовила. А что вы ребёнка притащили? Накурено и форточка открыта. Изверги!

– Ладно, я с ней в гостиной поиграю. Больно интересно всю эту туфту слушать. Да, Лизонька? – Ольга взяла малышку на руки и засеменила в гостиную.

Ленка подмигнула Анне:

– Вот из кого выйдет настоящая мамаша, достойный член социалистического общества.

Ленка затушила сигарету и тут же прикурила другую.

– Куришь, как сапожник! – Аня выразительно скривила кукольную мордашу.

– Можно подумать, ты меньше? – фыркнула Лена.

Соне было забавно наблюдать за происходящим. Чувствовалось – что-то необъяснимо крепкое связывает девчонок. А вот Веня другой, хлипкий какой-то.

И как она могла выйти замуж за такого заморыша? Видно, и сынок маменькин до кучи?

– Ну что? Как жить дальше будем? – Аня сделала серьёзное лицо. – Надо тему придумать стабильную. Вон цеховики уже давно такие дела делают!

– Сравнила ж@пу с пальцем! Какие из нас цеховики. У них знаешь, какие ресурсы? Многие левак гонят на производстве или свои цеха подпольные организуют.

Ленка затушила сигарету и потянулась за следующей, потом передумала и отдернула руку.

Анюта не унималась:

– Ну точно есть какая-нибудь тема. До смешного простая. Ну что бы замутить? Думайте бабы, думайте...

Соня сидела молча на заднем сиденье, крепко обхватив Лизоньку.

– Ну что ты, как ворона, насупилась? – Ольга обернулась на светофоре. – Да хватит её трясти! Спит же ребёнок. Вот

точно опоздала за сапогами! Ты особо губу не раскатывай! Девки они правильные, но никого особо близко не подпустят. Кланчик у них свой.

«Ничего! – решила Соня. – Придумаю что-нибудь! Не даром ещё в школе говорили, что я из любого дерьма конфетку сделаю! Вон в институте, на первом курсе, кофточки трикотажные на пуговках в детском покупала, как раз мода на всё в обтяжку пошла, и воротнички кружевные пришивала с ленточками. Все девки просили такую же сварганить. А ведь могла на этом какую-никакую копейку заработать».

Всю неделю она не находила себе места. А к концу недели позвонила Лена.

– Приезжай, пристроила кое-что! Сонь, к вечеру давай. Мои на дачу отвалят. Только не поздно. Может, я на тусовку отвалю в «Прибалтийскую». Вроде заезд какой-то неплохой, бармен из валютника позвонил. Вдруг судьба?! – хихикнула Лена.

Соня растерялась. Лиза опять заболела, с собой не возмёшь. Ольга на дачу едет с родителями. Да и неудобно просить. Схватила коробку грильяжа в шоколаде и побежала вниз на первый этаж, пока дочка спит. Наталья Сергеевна занимала в коммуналке маленькую комнатёнку, как и положено дворничихе. С трудом отыскала табличку с её именем. Звонить три раза. Первый раз обращается, хоть та и предлагала не раз.

Тётя Наташа открыла дверь. На талии был туго завязан всё тот же серый пуховый платок.

– Проходи, Сонь. Что-то поясницу скрутило, опять всю ночь снег, зараза, шёл! Не зима, а напасть какая-то! Ну что у тебя там стряслось?

Сонька замялась.

– Не отпустите на пару часиков? Лизка температурит. И где простужается? Я туда и обратно, очень важно мне!

– Да неси ко мне! Я как раз уже и лестницы намыла.

– Может, вы к нам, Наталья Сергеевна? А то как я её больную потащу?

Лиза после жаропонижающего и димедрола спала беспробудным сном. Соня поставила варить овощи и маленький кусочек говядины – может, поест что-нибудь? А то только морс пьёт весь день и кашу выплёвывает. Правда, участковая просила не волноваться и ребёнка не насиловать едой! Главное, чтобы пила побольше.

В комнате так тихо – едва слышалось Лизкино сопение.

Господи! Какой у меня разгром! А когда-то однокомнатная квартира на Васильевском, 137-й улучшенной серии, казалась неземным раем. Не то что у мамы – хрущёвка трёхкомнатная, с клетушками, кухней два шага налево и два направо, и ванной комнатой, куда разработчик с великим трудом запахнул все необходимые предметы прямого назначения. Вот у Ленки хата что надо, заблудиться можно. Потолки знатные, высокие! Ничего, и у меня когда-нибудь та-

кая будет, и у Лизы отдельная комната.

Соня устало присела на край дивана. На журнальном столике стояла картонная коробка. Совсем недавно перебирала старые фотки, так и забыла на место поставить. Она протянула руку, выхватила стопку и по одной стала выкидывать на диван, как карты из колоды. Вдруг её взгляд остановился на одной из фотографий.

Это мы первый раз празднуем Новый год вместе с мужем. Полгода как поженились! Он только с рейса пришёл. Какие морды счастливые!

Сонька внимательно разглядывала фотографию, потом вдруг подскочила и побежала к телефону.

– Лен! Я приеду. Я придумала! Ну, придумала, как деньги заработать! Зови Аньку! Всё обмозговать надо. Дело стоящее!

Она носилась по квартире и не находила себе места.

Вот точно сработает! А делов-то! Ну я молодец! И надо же, как вовремя в коробку залезла!

Соня вызвала такси и как полоумная забегала по квартире с Лизой на руках, продумывая свой план, а главное – как донесёт его до девчонок.

– Теть Наташа! Я быстренько! Звонить буду. Вы же справитесь?

– А ты как думала! – фыркнула Наталья Сергеевна. – Я своих сестёр, считай, подняла. Мне пятнадцать было, когда мать умерла, а отец пил, сволочь!

Сонька посмотрела с пониманием.

– А вот своих детей – не сложилось! Да у меня и мужика-то приличного не было, – Наталья Сергеевна махнула рукой и забрала Лизку на руки. – Ну что, болезная? Сейчас тебе тётка каши человеческой наварит. Заживём! Пусть матка идёт, куда хочет, у нас своих дел хватает! Да, рыбонька моя.

Соня уверенно побежала вниз по лестнице. За дочку она была совершенно спокойна.

У подъезда Лениной квартиры стояла чёрная «Волга» с госномерами. Сразу поняла: родичи ещё не отвалили, пришлось бродить вдоль канала. Мороз стоял приличный.

Как в блокаду всё это переносили?

Стало не так зябко. Дошла до Мариинки, вернулась назад, чёрной «Волги» простыл след. Злая консьержка не сказала ни слова, лишь презрительно сжала тонкие губы. «Поддыхает от зависти!» – решила Соня и молча прошла к лифту.

Лена встретила с сигаретой в зубах.

– Проходи, Анька уже на кухне, сгорает от любопытства.

Соня услышала иронию в словах, но промолчала. Аня, как всегда, была при полном параде. Длинные увесистые клипсы тяжело спускались до плеч.

– Уши не отвалятся? – вместо приветствия процедила Соня.

А про себя подумала: «Такие же хочу! Очень эффектно!»

Порылась в сумке и протянула фотографию.

Аня вопросительно посмотрела на Соню.

– Ну и что? Мужик какой-то.

– Не мужик, а муж мой бывший. Видишь на нём шарф? Это я придумала. Шёлк атласный с синтетикой. С одной стороны белый, а с другой черный, и на конце вышивка машинная – *Christian Dior*. Там грузин один из Тбилиси был, всё за моим бегал. Где взял, продай! Так можно таких тучу нашлёпать и всё, что хочешь, вышить: и *Gucci*, и *Chanel*... А если и концы в Грузии – Армении найти, как пирожки разлетаться будут. Гнать будем как фирму. Никто не догадается, что самопал, швы все внутренние. И баба у меня есть, что за работу возьмётся. Одна сына тянет, и мать у неё с золотыми руками. Она мне всё переделывает. С двумя высшими образованиями, а шитьём деньги зарабатывает. Настя скромная, работать будет, как вол, и денег много не попросит. Может, ещё кого подтянет. Только машинку для вышивания надо прикупить. Она, когда мужу шила, у подруги вышивала, своей нет.

– Посчитать надо, сколько наваривать сможем. Да, что-то есть в этой канители!

– Точно есть, девочки! А потом и ещё что-нибудь придумаем.

Аня прикурила сигарету об Ленкину.

– А ты что думаешь?

Лена смачно затянулась и выпустила тонкую струйку дыма.

– Можно вы как-нибудь без меня справитесь? Мне мужа надо искать. У меня другие цели и задачи. Я вот пахать со-

всем не хочу. Мне бы на всё готовое и принца заморского с дворцом сказочным. Обязательно с бассейном. Плавать люблю перед сном... Есть у меня одна корова из Гагр. Всю Грузию знает! Думаю, и здесь разлетаться будут...

– А как же Ольга? Она вроде меня к вам привела. По-правильному, надо её в долю брать.

– Не переживай, она и так получает. Ленка с твоих проданных вещей отстёгивает! Так что успокойся!

Сонька тяжело вздохнула.

– Не могу я так!

– Ну не можешь, так бери к себе. Я делиться с ней не буду. С каких ещё дел? Да она сама не захочет, тут же как-никак уже подрыв социалистической экономики! Шмотки по знакомым бабам развозить не велико дело, всегда отмазаться можно.

Аня оказалась жёстче, чем предполагала Соня. «Может, права? – подумала Сонька. – Я-то в этом ничего не смыслю. Может, так и надо – каждый за себя?»

Вернулась домой с настроением. Открыла дверь, а в квартире тишина. Испуганно заглянула в комнату. Лизонька безмятежно спала, а тётя Наташа – рядышком на диване, только одной рукой за кроватку держится, будто оберегает дочкин сон. Кругом пахло чистотой и порядком.

И когда успела прибрать и полы намывать? Вот заработаю немного и возьму её в помощницы по дому и за Лизой приглядывать. Лучшие не найду человека!

Утром Соня позвонила Ольге и обрисовала перспективы, не смогла утаить, в долгу она перед ней.

Оля и слышать ничего не хотела о подпольном производстве, как громко назвала своё детище Соня. Да и кто знал, что скоро ей всё это неинтересно станет. Познакомится с финном в Ольгино. Так ведь случайно попадёт в мотель на ДР к школьной подруге детства.

На выходные автобусами толпы чухонцев пёрлись через финскую границу – водки русской вволю напиться и девок продажных погонять. В Финляндии сухой закон, а выпить они мастаки.

Сеппо был высокий добродушный блондин, на пару лет старше Оли. Приехал с компашкой молодых сослуживцев погулять в культурный Ленинград. С театрами и музеями не получилось, друзьям хотелось куража, и они два дня безвылазно проторчали в баре да в ресторане с местными девицами. Сеппо с непривычки страдал от похмелья и пустого времяпрепровождения. Ольга сразу заметила, как белобрысый чухонец не сводит с неё глаз.

Надо сказать, большой красотой Оля никогда не отличалась и редко нравилась парням. А тут дело такое! Уставился и глупо лыбится, столкнувшись с ней взглядом. Оля с непривычки от такого внимания готова была сквозь землю провалиться. Вертелась, поправляла волосы, не знала, куда руки деть. Хорошо, девчонки танцевать – и она следом.

Сеппо подошёл и встал в сторонке, потом улучил момент,

когда девочки к столу праздничному направились, и подошёл знакомиться – на зависть всем, включая именинницу.

Роман у них закрутился нешуточный. Сеппо приезжал почти каждую пятницу на машине. Он был из богатой финской семьи, но у финнов принято, что дети сами пробивают себе дорогу в жизни, правда, дали возможность получить хорошее образование. Сеппо уже несколько лет работал инженером на судостроительной верфи в Хельсинки, был на хорошем счету и медленно продвигался по карьерной лестнице. Русских знал хорошо. Советский Союз был одним из основных заказчиков, и много советских представителей с семьями проживали в Финляндии по пять лет и более. Сеппо русских любил – гостеприимные, весёлые. Когда объявил, что хочет жениться на Ольге из Ленинграда, никто не спорил и палки в колеса не совал, русская так русская, и дружно всей роднёй разглядывали Ольгины фотографии. Особенно нравилась её грива темных волос и шоколадные, чуть миндалевидные глаза. Видно, бледнолицые чухонцы любили девушек поярче, и наконец-то Оля стала воплощением красоты и совершенства.

Всю зиму девчонки штамповали самопальные кашне. В принципе, работа не пыльная. Накупил отрезков, да прямиком к Насте. Настёна сообразительной оказалась и организовала настоящую мастерскую. Пришлось купить ещё одну швейную и две машинки для вышивания. Мать Настина

кроила, а они с подружкой шили и клепали надписи дорогой, нездешней жизни. Сонька продыху не давала, сама часто в работу включалась.

– Давайте, увеличивайте обороты! У нас заказ большой, Ане в Грузию лететь!

Жить становилось легче. Соня немного приплачивала Наталье Сергеевне, и та с удовольствием сидела с Лизой, хоть и не денег ради – привыкла к мелкой как к родной. А деньги брала для порядка. Чувствовала себя хозяйкой, даже командовать начала. Но Соню это ничуть не раздражало, понимала – от одиночества это всё и желания быть значимой и незамеченной в чьей-то жизни.

Наталья часто ругала Соню.

– Ну что ты на себя совсем рукой махнула! Ходишь как черт страшная, нечёсаная, в трениках. В таких только двор подметать!

А Соне не до этого было. Знала: сначала денег надо подкопить и машину купить, а потом уже и собой заняться. Машина нужна была позарез, куда с такими мешками по такси таскаться.

Мама часто приезжала и смешно ревновала к Наташе. С внучкой сидеть совсем времени не хватало, да и давлением высоким маялась. Часто немного денег тайком оставляла, но Соня матери запретила:

– Лучше в санаторий какой съезди или на море.

Не расскажешь же всего, ещё нервничать начнёт.

Дела шли в гору. Вовремя Оля к девчонкам привела. Правда, Ленка от такого бизнеса отстранилась, не её это было. А Аня в такой азарт вошла – не остановить. Соньке с Аней и легче – тёплая и на дружбу щедрая. Особенно любила Соня в гости к ней приезжать. Анька готовила как заправская повариха. Стол за полчаса красиво накрывает, и пироги печь умела, и булочки всякие. А Веня у неё точно сыном был. Без Ани шагу не ступит, всё через согласование с ней. Так и понятно, все деньги она зарабатывала, а он только проекты в голове вынашивал несбыточные. Соня считала его ленивым трутнем и приспособленцем, а ещё больше трусом, ни на копейку рисковать не хотел. И ювелир из него никудышный был. Замочек от цепочки отдала починить, так ровно на следующий день опять сломался. Лена тоже Веньку не сильно жаловала, всё Аню тянула в бруд разный. А та стойкая была и верная и на всякие провокации не поддавалась.

– Ань, ну что там у него особенного? Может, мы чего не догоняем? – смеялась Лена.

А Аня действительно как приворожённая была, глаз с него не сводит, вечно по ручке поглаживает, а то и целоваться лезет при всех и при этом вечно его жизни учит. Ну точно как мамаша с сыном непутёвым. У Вени и родители такие же были. Видно, в его внешности что-то такое было, что всех заставляло думать, что он особой хрупкости и неприспособленности. Венька ещё тот был жук и пользоваться этим научился – глазки невинные выпучит, ресничками хлопает,

вот-вот расплатится от обиды и непонимания.

Аня нежадная была, со всеми Соню знакомила и в долю брала, хотя и сама бы справилась, но вдвоём как-то сподручней. То какая-то аферистка из Польши партию самопальных джинсов привезёт, то у фарцовщиков шмоток накупят.

К началу лета отгуляли на Ольгиной свадьбе, в «Прибалтийской» справляли, по-богатому, финнов навалило...

– Вон сколько женихов! Лен, бери любого, смотри, как ручные на тебя зыркают!

Лена только фыркнула.

– Не, мне такого добра не надо. Я к чухонцам не хочу! Не мой масштаб.

В середине лета в Сочи поехали. Соня с Лизонькой, Анька с Веней и Ленка. Через её отца два номера в «Жемчужине» пробить удалось. Долго спорили, с кем Соня с дочкой жить будет.

Может, я комнату рядом сниму? С Анькой жить как? Они с Веней вечно жмутся по углам. И Лене к чему обуза такая! Ребёнок ведь, не кукла!

Решили, что с Ленкой всё-таки удобней будет, а там посмотрят. Всё оказалось намного проще. Лиза тихая – куда все, туда и её с собой. Даже вечером в ресторанах музыка орёт, а ребёнок умается, свернётся калачиком и спит себе где придётся.

У девчонок нарядов полные чемоданы, а у Соньки пара

платьев старых да комбезик на пляж ходить. Они ей своё предлагают, а Соня ни в какую.

– Не люблю чужого! Вот машину куплю и за себя возьмусь. Успеется!

Хотя удивительным образом хорошо выглядела и в своём. Волосы намочит, глаза нарисует и вперёд – девки как в ресторан ввалятся, мужики все головы сворачивают.

Веня как король с ними, крутого изображал. Аня вкус хороший имела, одевала его достойно. Так посмотришь, никогда не догадаешься, что осёл ослом.

Как-то приехали в «Кавказский Аул» – модный по тем временам кабак, народу не пропихнуться, столы все заняты, ансамбль отличный песни Пугачихи голосит. Веня и деньги предлагает хорошие за стол – ни в какую, нет мест, и всё тут! Обидно даже, такие крала приехали, а сесть не могут. Вдруг официант подбегает и говорит, что человек один серьёзный за свой стол приглашает. А что не пойти, назад уезжать?! Подводят их к столу огромному, а там человек пять кавказцев сидят, лыбятся, глазами сверкают, с виду вроде приличные и одеты дорого. Хорошие мужики оказались, из Еревана, видно – крутые, при больших бабках. Один на Соньку глаз положил. Тигран. Просто голову потерял. И ведь ничего не надо было, и даже в койку не тянул. Каждый день огромные букеты роз в номер заносили, да и не по одному. Ставить некуда было, и Соня так и сваливала их на пол. Очень скоро целый холмик образовался – внизу вялые, сверху свежие.

А то целый мешок платьев припрёт:

– Выбери, что нравится!

Соня померяет, скромно на одно глазами покажет. Тигран не унимался, заставлял и то взять, и это.

Соне неудобно было.

Ленка спокойно, ровным голосом:

– Тигранчик, спасибо, дорогой! Ты всё оставь, пригодится.

Соня краснела, а ему только в радость! Всех вечером в ресторанах выгуливал, платить не давал и закидывал Соню подарками.

– Ничего себе! Наша-то, тихоня! Похлеще нас с тобой будет! – Аня за Соню радовалась, да и им хорошо было – столько бабла сэкономили.

Соня переживала:

– Вдруг спать за всё это придётся? Что делать?

Лена смеялась:

– Что-что? Ничего страшного, не сотрется!

Такая мысль Тиграну и в голову не приходила. Видно, его слепое обожание перекрывало кавказский темперамент. Может, у него с головой проблемы были, кто знает, но до Соньки он даже пальцем не дотронулся. Вернулись – он ей корзины с армянскими фруктами да с сырами с посылными каждую неделю передавал. Звонил с утра до вечера, Наталье Сергеевне надоедал. Ревновал жутко, доставая расспросами. Приезжал несколько раз в Питер и опять всех выгуливал не по-

детски, тянул её к спекулянткам крутым и всё скупал, что хоть мало-мальски подходило. Потом пропал неожиданно.

– Посадили, наверно! Откуда такие бешеные деньги? Или катала, или цеховик, – решила Лена. – Жалко, хороший парень был! Я бы тоже от такого Тиграна не отказалась! Сонь! А вдруг его того? Убили типа?

– Лен, хватит уже ерунду пороть. Просто слился, и всё!

– Нет, Сонь. Такие так просто не исчезают!

К осени Соня насобираала на машину. Как и Ольге, не повезло. Она чуть не плакала, разглядывая Ладу мерзкого травяного цвета. Назывался он «липа».

– Буду звать липочка! Всё равно другой нет!

Неделю машина стояла у парадной. Соня и подойти-то к ней боялась, не то что сесть за руль и тронуться с места. Наталья Сергеевна только рукой махнула.

– Вот сдалась тебе эта железяка! Похудела даже. Как ездила на такси, так и ездешь, а покой потеряла! Вон, по сто раз на дню в окно поглядываешь.

Просыпается один день, бежит глянуть, а липочка как-то косо стоит, угрюмо наклонившись на один бок. Все четыре колеса за ночь сняли! Сонька чуть сознание не потеряла. Где деньги на новые колеса брать? Всё за машину отдала. Наталья без слов принесла пачку денег.

– Вот, бери! Твои тут, и откладывала понемногу. Думала, на старости лет в деревню под Псков поеду, родилась я там.

А ты дурь не включай, села и поехала. Медведи в цирке на велосипедах катаются!

Разозлилась Соня на себя сильно, позвонила Ане.

– Дома? Жди! Сейчас на коне своём прискачу!

– Подруга, может, ну его? Приезжай на такси. Я вина клёвого из Тбилиси привезла. Посидим как люди!

– Нет, решила, значит, на машине приеду! Если долго не будет, всё, считай, пипец мне!

Доехать-то Сонька доехала. Правда, руки трясутся, глаза горят!

– Ань, так страшно! Всё время казалось, что машина передо мной затормозит, и я со всего размаха прямо в жопу ей въеду. И мужики за рулём такие гады! Сигналят, у виска крутят! Жлобы!

Соне уже домой пора, а ей не встать, ноги к машине не идут. Ещё и темнотища за окном. Веня ходил с недовольным лицом.

– Сонь, ты или езжай, или на кухню валите! Время-то сколько! Всю ночь что ли сидеть будете?

Они жили в малонаселённой коммунальной квартире на Фонтанке, на втором этаже. Комната большая, просторная, и ещё три семьи. Люди все приличные, ни пьяниц, ни быдла – уже рай. С отдельной особо не торопились, всё равно планы об эмиграции не оставляли.

Ленка вскоре в Москву перебралась, тесно в Питере стало. Как ни крути, в Москве возможностей больше, фирмачи

крутые приезжают по бизнесу. Девчонки подругу почти потеряли. Звонила редко. Видно, столичная жизнь засосала.

Приехала через полгода, так они рты поразевали – не Ленка, а звезда французского кино. Стиль полностью поменяла. Превратилась в этакую леди манерную. Правда, стрижку мальчишескую оставила! Волосы, видите ли, ей мешают! У Сони с шевелюрой проблемы были, так её это точно раздражало, а такие, как у Лены, стричь – чистое преступление.

Лена была хорошая, но жутко прижимистая. Сидят в ресторане, счёт попросят, а она чуть ли не на бумажке высчитывает, кто сколько должен. Может, и правильно делала, но Аня другая была – лишнего примет, так может всем в кабаке пива проставить – любила такое отчебучить. Потом поутру по голове своей непутёвой стучать и Венькин скулёж слушать. Денег ей не жалко было, к ним серьёзно не относилась, хоть и признавала всю их значимость в своей жизни.

Соня тоже широкая была и внимательная. На каждый праздник ноги сносит, но найдёт, чем подруг порадовать.

Лена брови хмурила и ворчала.

– Мерси, конечно! И что теперь, тебе подарок искать?!

Соня смеялась.

– Это тебе надо было фамилию Фельдман иметь, а не Аняте!

А тут приехала и всех в «Метрополь» пригласила, и Ольгу – та как раз из Финки приехала с заметно округлившимся животом. Толстая стала и какая-то притихшая, не узнать.

Жила в Хельсинки при полном достатке, но всё равно везла полные чемоданы на продажу. Сеппо ругал, порой до ультиматумов. Незаконно это в Стране Советов, и непонятно ему было, зачем это всё, чего не хватает. Оленька не могла наживу упустить, руки чесались! Даже магазинчик ей открыть пообещал, а ей в России трясти шмотками интересней: и заработки гарантированные при полном дефиците, и азарта побольше.

– Вон у них даже дети зимой с голой шеей ходят, а то и без шапок. Вот и отмороженные, видно, уже с детства. Какие им магазины? Ходят все, как инкубаторские, в спортивном своего же производства, главное, чтобы удобно было. Это русский человек не устоит перед хорошей заграничной тряпкой, в долги залезет, вывернется наизнанку, но купит!

На девичник пришли нарядные, кто во что горазд! Соня тоже постаралась. Стала и себе кое-какие тряпочки оставлять. Правда, если кому понравится и деньги хорошие давали, снимала без второго слова – деньги важнее!

В «Метрополе» было, как всегда, шумно. Официанты, словно заведённые, бегали с подносами. Вкусно пахло котлетой по-киевски, раздавался звон фужеров и столовых приборов.

– Вроде и праздника никакого нет, и откуда столько сволочи с деньгами? – Аня оглядывалась по сторонам.

– Сонь, вон и твои сидят! – она кивнула на большую грузинскую компанию за соседним столом. – Уже и поглядыва-

ют, генацвале! И что ты этим кавказцем нравишься, ума не приложу. Чувствую, выдадим тебя скоро за Хачика или Гиви, и увезёт он тебя в горы овечий сыр делать!

– Не дождётесь!

Сонька мельком глянула на красивых парней. Честно говоря, они ей нравились – яркие, красивые, гордые и, видно, любить умеют. Ведь не сознаешься – девки засмеют.

– Сонька, и как ты без мужика живёшь, ума не приложу? – Ленка хихикнула, перехватив Сонин взгляд.

– Нормально, у меня богатое воображение! Справляюсь как-то!

Лена поняла – сейчас нарвётся на скандал, и решила сменить тему.

– А я, наверно, замуж выхожу!

– Что значит «наверно»?

Аня ткнула Веню в бок.

– Вень, Ленка замуж выходит!

Веник лениво зевнул:

– Ну и за кого? Кто этот несчастный?

Лена скроила многозначительную морду:

– Вень, наливай! Завидуй красиво!

Девочки притихли в ожидании Ленкиной исповеди.

– Так вот! За немца из Мюнхена. Крутой чел, сорок два года, писанный красавец!

– Счастливаяяя! – пропела Аня и мечтательно закатила глаза.

Венька недовольно посмотрел на жену:

– А ты, конечно, несчастная!

– Вечно ты на себя одеяло тащишь! Причём здесь ты! Я же за Ленку рада!

– Лен, а почему «наверно»? Он что, ещё не знает о твоих планах? – засмеялась Аня.

Подкалывать друг друга было обычным делом. Соня такого не терпела и всегда боролась с этим как могла. А девкам всё нипочём. По-доброму подшучивали, конечно, но все равно, в чем прикол, непонятно было, оттого и злило.

– Почему не знает? Ещё как знает! Просто я свои условия выставила. Кто этих марамоёв знает?! Наобещают с три короба. Знаете, сколько случаев? Такого о себе нарасказывают, а на самом деле, как барабаны, пустые. Столько девок пострадало! У этого всё по-честному вроде. Он по бизнесу в Москву приезжает. И фоток много видела! Дом пипец какой, и мерс с открытой крышей, и одет круто! Он мне счёт обещал открыть и бабла туда скинуть. Вдруг что не заладится. Вот сделает, тогда и замуж пойду!

– Пусть тебе на сберкнижку положит! Сразу менты за жопу возьмут и ещё за связь с иностранцами привлекут, – умничал Веня.

Как разговор про деньги заходил, он вечно злился: своих-то не было, а чужие сильно раздражали.

– Ладно, давайте за Ленку выпьем! – весело подхватила притихшая Ольга.

Видно, скучно ей было в Чухляндии жить с законопослушными финнами, а тут жизнь кипит, все свои вокруг. Как представит, что назад возвращаться, аж душа холодеет. Сеп-по хороший, добрый и любил, как никогда её никто не любил, а все равно – чужое вокруг и немилое! Вот ребёнок родится, может, что и повернется в душе.

В тот день Соня познакомилась с Автандилом. Он прислал им за стол бутылку хорошего армянского коньяка, а потом подошел и пригласил на танец. Соне отказывать было неудобно – Веня уже полбутылки выжрал!

Ну надо же! Столько красивых пацанов у них за столом сидело, так нет, самый некрасивый приторчал. Автандил был родом из Пицунды – полугрузин, полуабхаз. Родители богатые пристроили парня в Московский университет на международные отношения, куда можно было попасть только по огромным связям. Мать Авто была директрисой огромного пансионата в Пицунде, по тем временам – чуть ли не премьер-министр. Это для цеховских работников, артистов и спортсменов знаменитых проблем не было, а остальным верхушку большую плати, и то только по великому знакомству, в тюрьму за взятки никому не хотелось. Да, видно, там рука руку мыла, и всё схвачено было, и с ментами продажными в том числе. Отец тоже что-то мутил, Соньке не вспомнить было.

Автик широкий! Заваливал подарками. Соньке он не нравился, но кто от такого откажется? Самое трудное в койку

было, особенно первый раз. Автандил мохнатый, как шмель, с красивыми карими глазами. Соня с трудом его переносила и вечно старалась одеяло между ними проложить.

Авто не обижался.

– Ну убери, прошу, я тебе завтра кольцо новое куплю.

– Вот когда купишь, тогда и уберу!

– Ну хочешь, деньгами сейчас дам?

– Давай! – азартно говорила Соня и терпела.

Всё видела – любит её, с ума сходит, живёт ею, но ничего с собой поделать не могла. Потом, позже, она поняла. Он любил именно таких, чтобы через унижение, непокорных и несговорчивых и жутких материалисток. Ему не нужна её любовь, он покупал каждый её поцелуй и при этом удивительным образом кайфовал.

Соня ещё не знала, что Автандил надолго в её жизни, боком, но рядом, пусть даже через деньги и с полным отсутствием интереса с её стороны. Она имела над ним неведомую власть, не понятную никому. Соне его слепое обожание придавало сил и уверенности в себе, правда, и цинизма – в равной мере. Он жил в Москве, и она часто навевалась к нему – терпеть не могла, когда он пёрся в Ленинград.

К своим поездкам в первопрестольную Соня относилась как к работе, назад возвращалась вымотанная, но с подарками, и деньгами, и новым колечком – кому на удивление, а кому и на зависть.

Автик обожал украшения, страшно сокрушался, что не

баба и не может на каждом пальце по кольцу носить. В московских ювелирных его хорошо знали. Любил он золотишка подкупить и в коробочку спрятать, а потом раскладывать своё богатство и тащиться от своих сокровищ. Он был далеко не красавец, но одевался шикарно и манеры имел. Мать душу вложила в единственного сына, одно огорчало её, что после универа работать не пошёл, а крутил свои трёшь-мнёшь, очень способный был. Мать обожал, но на все требования бросить безродную наглуую девку, да ещё и с ребёнком, отвечал упорным отказом. Мать Соню ненавидела люто и не стеснялась прямо при сыне вывести её на чистую воду. Сонька и не скрывала ничего, какая есть, такая есть, вернее, стала такой, а может, и всегда такой была, только не ведала.

Ленка таки выскочила за немчуру. Никто так и не узнал, выполнил он обещанное или нет, но Ленок согласие дала. Авантюристка была страшная, ничего не боялась. Долгая была канитель с оформлением документов, а расписали за секунду. Свадьбы не было. Девчонки так в глаза и не увидели загадочного жениха ни тогда, ни потом. Соня за несколько дней до отъезда свиделась с подругой в столице. Лена так расчувствовалась, что целую здоровенную сумку вещей своих драгоценных Соне в машину отгрузила. Та аж онемела от такой щедрости:

– Это что с тобой, родное сердце? Чего это ты так подобрела? А уезжать-то хочешь? Не страшно?

– Страшно здесь оставаться! Мне во всяком случае. Да

ладно, Сонь. Лирика всё это. Приживусь! Я в себе уверена.

Соня слышала великое сомнение и страх в её словах, захотелось обнять покрепче и никуда не отпускать, словно Ленкина непутёвая судьба сейчас полностью зависела только от неё. Она с трудом сдержалась. Знала, Лена не примет такого участия и всё переведёт в шутку, как бы тяжело ни было.

– Может, я тебя провожу? – неуверенно спросила Соня, зная ответ.

– Не! Не люблю я эти сопли. Я что, в Сибирь, в ссылку еду? Я и родителям запретила. Правда, отец бы и так не приехал. Я теперь у него предатель родины!

Удивительным образом отца её с работы не поперли. Была какая-то шумиха поначалу, а потом всё стихло. Всё-таки времена уже не те были, и началась лёгкая послабуха. Так что её родичам не сильно досталось, правда, отец через полгода инфаркт схлопотал, от которого и не оправился. Лена приехать на похороны не смогла, с документами проблемы были. Как уж она это перенесла, непонятно, от неё ничего не узнаешь. Всем казалось, что не очень она его жаловала. Правда, целую неделю трубку не брала, не хотела ни с кем разговаривать, видно, сил не было, отец всё-таки, не попрощалась даже. Мать она решила при первой возможности вывезти, очень близки они были. Лена всё ей доверяла, наверно, только ей одной, а так по-своему скрытная была, жалость не переносила.

А тут и очередь Аньки подошла – всё-таки уговорила Ве-

ню и заодно его и своих родичей эмигрировать. Евреи – они такие, если ехать, то всей толпой, держаться умеют друг за друга, семья – святое. Соня аж сон потеряла, когда узнала, что решились на отъезд, и к Вене ближе стала, всё надеялась, что он в последний момент передумает и Аню отговорит.

– А я-то как без тебя? И дел столько общих!

Анька была непреклонна:

– Разберёшься как-нибудь! Ты и сама уже акула в этом вопросе, ещё и меня научишь. Дела наши к тебе переходят! Что я у тебя на шее буду сидеть? Хотя по-честному можно бы и долю маленькую присылать! Да ладно. Я и там что-нибудь замучу. Ещё поработаем вместе!

Аня собиралась обстоятельно, с умом. Имущество всё распродала. Кое-что в валюту перевела и со знакомым прохиндеем-поляком отправила. Тот пообещал со своими передать Венькиным дальним родственникам в Америке. Соня никогда ему не доверяла, и оказалась права, хоть Аня за него головой ручалась. Кинул гад, так и не передал деньги. Тварь конченная, в такую минуту людей подвёл! Хорошо, что ещё все деньги не отдала ему, часть на палехские шкатулки ушли. В Америке на советскую экзотику спрос большой был. Ещё командирских часов накупила и ушанок кроличьих. Сорок соболиных шкур раздобыла, на живую нитку сшила и на подкладку посадила. Соболя – золото России, а тут вроде шуба, не докопаться таможенным ищейкам.

Шкурки она так и не продала, хотя очень надеялась имен-

но на них. Себе в итоге у хорошего скорняка шубу настоящую сварганила. Соня через несколько лет у неё эту шубу соболиную по дешёвке купила и гордилась ею невероятно. А теперь мать Сонины донашивает. Такая стойкая оказалась, сносу нет!

Соня смотрела с ужасом на эти суетливые сборы, не подающиеся её воображению.

Вот отважные люди! Побросали свои дома, за бесценок свой скарб продали, и вперёд, в неизвестность. А что там, одному Богу известно и чёрту, не иначе! Вон Ольга в Финке мается, не своей жизнью живёт. А тут в Америку затеяли, за океан!

Америка представлялась чем-то настолько далёким и непонятным, она с трудом верила в её реальность. Может, нет никакой Америки?! Вот такая глупость лезла в голову!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.